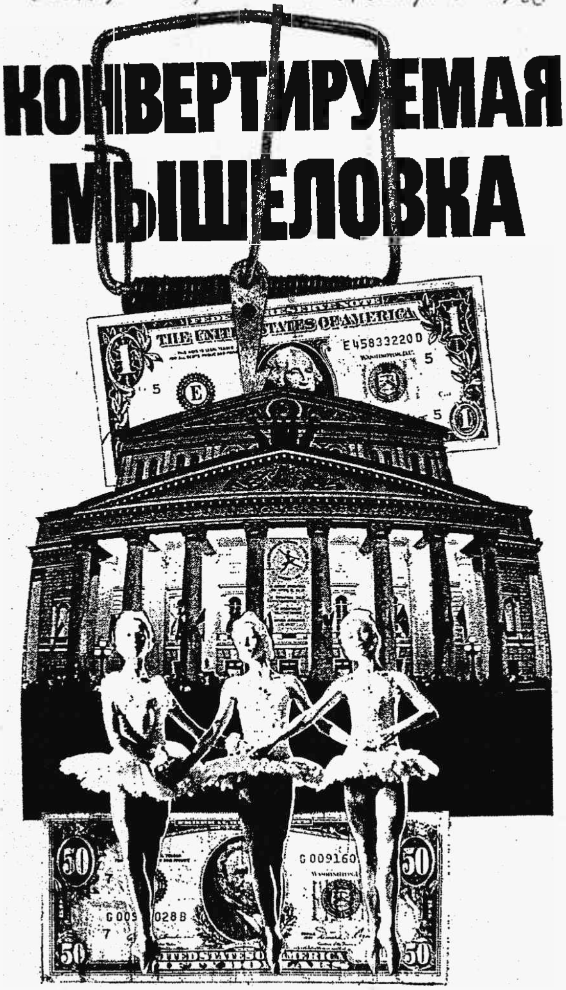
Москве – ГАБТ
17-III-90

Нам нужна валюта, нужна крайне, но именно сегодня встает вопрос — какой ценой! Вывозится сырье, скупается за бесценок уникальный народный промысел, уплывают на Запад шедевры, идеи, таланты. Но особенно тяжело видеть, как кто-то наживается на святых для нас именах...

Сов. культура. – 1990. – 17 марта. – С. 16

КОНВЕРТИРУЕМАЯ МЫШЕЛОВКА



БОЛЬШОЙ театр нынче в эпицентре слухов, страстей, споров. Но причина тому не дерзкая балетная премьера, не триумф оперной постановки. Нет. Обсуждается заключенное между ГАБТом, Госконцертом и английской фирмой «Энтертейнмент корпорейшн лимитед» «Соглашение о Консорциуме». Первый в некотором роде опыт международной коммерциализации отечественного искусства. Оговоримся сразу, наш случай не более чем пример. Почему? Да потому, что, увы, дело сделано, и мышеловка, в которой вместо сыра лежала валюта, захлопнулась.

Но начнем по порядку.

Большой театр — театр выездной, валютный. И балет, и опера тридцать лет колесят по всему белому свету. Правда, подсчитав реальные доходы от гастролей и сравнив их с затраченными расходами, иногда удивишься такому страстному желанию покорять публику именно там, а не у себя на Родине. Но так или иначе, даже отдельным солистам и концертным группам, освещенным именем, авторитетом и школой Большого, предопределен неизменный аншлаг. Скажу больше — долгие годы чуть ли не вся страна, закрытая и неизвестная, ассоциировалась у многих в остальном мире прежде всего со словами «Большой театр».

Но вот что примечательно: во время гастролей имя театра становилось постоянным средством наживы для многих и многих предпринимателей. Океаны маек, значков, курток, плакатов, календарей и прочих товаров, снабженных эмблемой ГАБТа, порождали пестрый базар вокруг гастролей. Товар расходился «с лотка», обогащались все, кроме «виновника». А сколько денег театр не получил при использовании его имени в рекламных целях? Страшно подумать.

Другой пример. По миру, подобно фальшивым детям лейтенанта Шмидта, выступали «фальшивые дети» Большого театра. Броские имена балетных трупп, вроде «Большой балет», заставляли доверчивую публику штурмовать кассы. Слава богу, если эти коллективчики оказывались не хуже знаменитого коллектива. Но, как правило, они безнаказанно наносили ущерб престижу. Не избежал искушения полакомиться за чужой счет даже прославленный фигурист Игорь Бобрин, назвавший гастроли своего театра в Париже «Большой балет на льду».

И ВОТ в прошлом году ГАБТ СССР, а вернее, его новый генеральный директор товарищ Коконин В. М., человек сравнительно молодой и энергичный, решает такое положение дел поправить. Но вместо того, чтобы зарегистрировать наконец-то имя и торговый знак театра в «Союзпатенте» (что было бы вполне естественно сделать его предшественникам лет этак четырнадцать назад, когда Советский Союз присоединился к Мадридскому соглашению о международной регистрации товарных знаков) и перестать убиваться из-за всевозможного пиратства, а тащить «пиратов» прямо в суд или процентов за пять предоставить это удовольствие другим, товарищ Коконин идет совершенно иным путем. Он предпочитает такому тривиальному решению принципиально новое, по смелости и щедрости аналогов в мировом бизнесе не имевшее.

Товарищ Коконин решает создать Консорциум.

Согласитесь, какое необычное и красивое слово. Уже в нем одном чувствуешь размах и перспективу. Кстати, познакомить с этой перспективой производителя будущих прибылей — труппу театра — директор не захотел. Зачем? — когда, по словам Владимира Михайловича, это дело сугубо специалистов: «Подписывать или нет, я тут больше понимаю!»

Но на кого же пал торжественный выбор стать участником Консорциума и зачем, откровенно говоря, этот самый Консорциум был столь необходим?

ЕЩЕ работая в Госконцерте, нынешний директор ГАБТа, видимо, приглядывался и присматривался к никому не известной в мире английской импресарской фирме «Энтертейнмент корпорейшн лимитед». То, что она импресарская и посредническая, я подчеркиваю,— «ЭКЛ» не пляшет, не поет, ничего не производит. Типичный агент, которых в той же Англии тысячи. Но выбор пал на нее по двум, удобным для объяснений, причинам. Во-первых, она более десяти лет представляет Большой театр за рубежом, а во-вторых (цитируем Коконина), «пользовалась при этом и нашим доверием, и Госконцерта, с которым активно сотрудничала. Сомнения в ее компетентности у нас никогда не возникали». Забегая вперед, добавим, что в ее-то «компетентности» действительно сомневаться не приходится.

Тут, правда, у меня лично возникает естественный вопрос — если вы так хорошо знали и доверяли фирме, ну, и сделали бы ее своим обычным агентом. Она бы ваши интересы блюла по всему свету, а вы бы ей за это с новых громадных прибылей платили 5—10%, что, по словам генерального директора ВО «Союзпатента» тов. М. Городисского, «достаточно и для фирм, выполняющих несоразмеримо больший объем работ по коммерциализации интеллектуальной собственности менее известных, чем Большой театр, организаций».

Вот тебе раз! Но ведь тогда рушится вся идея Консорциума. Ведь одно дело агент, а другое — участник. Да еще какой участник! Процитируем из текста соглашения: **«Настоящим Театр и Гос (Госконцерт.— А. Г.) совместно и раздельно назначают Фирму своим единственным и исключительным агентом на время срока управления и по всей Территории, уполномочивая ее управлять, руководить, рекламировать и направлять Бизнес и Деятельность Консорциума».**

СОГЛАСИТЕСЬ, неплохо для президента фирмы г-на Брайтмана из Лондона вот так за здорово живешь взять и всем распоряжаться. И интеллектуальным достоянием 200-летнего русского театра (т. е. профессиональными тайнами, авторскими правами, касающимися любых литературных, драматических, музыкальных, художественных и прочих работ и т. д.), и многими другими правами, начиная от разрешения на съемки кино-, теле-, видеофильмов, спектаклей и фотографий любимых артистов и вплоть до предоставления своих полномочий третьим лицам. (Покушались расторопные лондонцы даже на права распоряжаться конкретно артистами. Но, слава богу, ума хватило не продать в рабство Мухамедова или Бессмертнову. Вот бы те удивились).

Неплохо, неплохо, ничего не производя самому, целиком распоряжаться чужим. А все спасибо Соглашению о Консорциуме, подписанному старыми знакомыми тт. Кониным и Панченко. Мы уж молчим о таких мелочах, что Территория теперь, оказывается, значит весь мир (и СССР?), а срок действия — до 31 января 1996 года. Лес рубят — щепки летят.

Но самая пикантная часть Соглашения (которое, махнув рукой на статью, хочется опубликовать целиком — настолько оно красноречиво само по себе. Не потому ли и оберегалось от посторонних глаз?) — это, конечно, разделение прибылей. Только, прошу, не падайте в обморок. Если специалист М. Городисский вел разговор о 5—10%, то специалист В. Коконин создал для мирового бизнеса небывалый прецедент: Большому театру — 42,5% и фирме — 42,5%(!!!), а остальное Госконцерту. Знай наших!

На то и Консорциум. Впрочем, возможно, я ошибся. Возможно, самая пикантная деталь в Соглашении — это все же строчки из раздела «Обязательство Фирмы», где среди слов о тяжком бремени собирать по всему миру доходы и работать при этом усердно натыкаешься на ответную щедрость английского партнера — обеспечить для Москвы машину марки «вольво». Долг платежом красен.

Соглашение было подписано в тиши и секретности в апреле прошлого года. Наш упрек в секретности правомерен. Конфиденциальны лишь тексты контрактов и договоров, содержащие коммерческие секреты (цены, количество и качество товара), но учредительные документы не могут и, как показывает жизнь, не должны быть закрыты от общественности.

Ну а на языке юристов наше Соглашение именуется просто и откровенно — «притворная сделка». Поясним термин. Допустим, вы продаете автомобиль, но чтобы не платить налог, оформляете на своего покупателя доверенность. Потом берете причитающиеся деньги и расходитесь. Аналогия с Консорциумом не прямая, но понятная. Вместо 5-процентного агента «ЭКЛ» стала 42-процентным участником на основании «притворного» Консорциума. Функции же ее по сути так и остались агентскими.

КАК я уже написал, Соглашение вступило в силу в апреле 1989 года. Тут мы опять не можем не отдать должное смелости В. М. Коконина, который подписал его задолго до того, как получил от правительства право на подобные подписи (этим, видимо, и объясняется присутствие третьего партнера — Госконцерта). Но это ерунда, в конце концов подлинные специалисты своего дела всегда опережают время.

Печально другое. В ответ на первое публичное оглашение части текста в «Литературной газете» генеральный директор страшно обиделся. За две недели до этой публикации в нашей с ним беседе он всячески восхищался Соглашением, а после, обвинив автора статьи в выдергивании и передергивании, заявил, что упоминался старый вариант. Правда, тут директор оговорился, дескать, он пока действует, но зато дополняется, уточняется и корректируется.

Он действительно начал лихорадочно уточняться и корректироваться, когда попал в руки комиссии Министерства культуры СССР и стал фактом гласности. Комиссия в свою очередь сделала заключение (носящее консультативный характер), в котором одобрила основную идею, но, с другой стороны, отметила ряд моментов, ослабляющих защиту интересов ГАБТа.

Основная идея, как и положено всякой основной идее, хорошая, спору нет. Кроме того, все мы, советские люди, безмерно уважаем всякие комиссии и их рекомендации. Но вот г-н Брайтман, выражаясь русским языком, из Лондона может спокойно чихать на все эти рекомендации. У него есть своя основная идея, и состоит она в том, что Соглашение заключено на основе английского законодательства (наиболее разработанного — объяснил В. Коконин), по его меркам живет, там, в случае чего, и будет «дополняться, уточняться и корректироваться». Если, конечно, этого захочет г-н Брайтман.

Что же касается горячих заверений, что текст Соглашения устаревший, то позвольте не поверить. **Он действует, документа о его приостановлении нет, а значит, не надо лукавить и выдавать желаемое за действительность.** Изменится ли оно или нет — еще вопрос, хотя лично я думаю, что изменится. Слишком откровенны некоторые разделы, слишком режут слух, да и уберечь их от посторонних не удалось. Так что, возможно, руководящая роль Фирмы поуменьшится. Но изменит ли это грабительскую суть Соглашения? Вот здесь я не уверен. По большому счету, распоряжаться гастролями или всем интеллектуальным достоянием балетной труппы г-ну Брайтману и не с руки. Хлопот много, а доходы те же. Но не воспользоваться в свое время полной предпринимательской девственностью советской стороны тоже было бы грех (надеемся, что дело лишь в этом). Как говорится, дают — бери. Но главный фокус Соглашения все же, на мой взгляд, в другом.

Среди прочих прав «ЭКЛ» есть и такие — продавать лицензии на использование имени театра другим фирмам, вести все переговоры на мультинациональное спонсорство и вести судебные процессы...

Требуются пояснения. Допустим, фирма «Кока-Кола» или «Ай-Би-Эм» захотела стать спонсором Большого театра и вкладывает 1 млн. долларов. Солидной фирме кажется разумным использовать имя солидного театра для рекламы своей продукции. Они дают миллион, и г-н Брайтман со спокойной совестью забирает себе в карман 425 тысяч. За что? За то, что имя Большого кажется кому-то подходящим? Даже если бы представитель «ЭКЛ» сел в самолет и отправился в США уговаривать «Кока-Колу», даже тогда 5—10% хватило бы за глаза. А ведь будь мы по-настоящему расторопны и предприимчивы, могли бы и без всяких агентов сами искать и сами находить. Но это, увы, в идеале. А пока участник Консорциума, непонятно почему, будет спонсироваться в той же мере, что и Большой театр.

То же происходит и с лицензиями. Вместо обычных 0,03—0,05% (!) за подобные услуги «ЭКЛ» будет присваивать половину. За что? Например, за желание фирмы «Картье» или «Шанель» выпускать духи «Большой».

Но с судами дело вырисовывается совсем темное. С кем будет судиться г-н Брайтман, о чем будут там договариваться, какими штрафами удовольствоваться, на каких условиях расходиться с ответчиками, не доводя дела до суда (а значит, и до сведения других участников) — все это останется покрыто мраком. А ведь по Соглашению даже все официально заработанные Консорциумом деньги поступают на счет Фирмы, что же говорить о неофициальных... (Кстати, о колоссальных обещанных прибылях. Было бы небезынтересно узнать, сколько все-таки получила советская сторона из рук английского партнера за год существования Консорциума?). Остается гадать и целиком верить в компетентность «ЭКЛ», как это делают т. Коконин и Госконцерт. И, по-моему, зря делают, ибо компетентность и порядочность — вещи разные.

Да! Сильно напоминает этот Консорциум обычный подмосковный рэкет. Правда, без утюгов и прочих ужасов, но с той же характерной картинкой. Кто-то вкалывает и производит, а кто-то «охраняет» и, держа руки в карманах, зорко поглядывает, как бы не закатился куда чужой грош.

МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ к концу нашей «экономической истории». Но остался еще один немаловажный аспект этого дела. Аспект законности, но не «самой разработанной», а обычной, советской.

Несмотря на искреннюю привязанность тов. Коконина к закону и праву (Владимир Михайлович любит и умеет посетовать на нашу правовую дикость, привести в пример Англию, не чужд даже самодельных афоризмов: «Суд — это правовой акт!» или «Право — и есть жизнь»), все равно оказался он чуточку непоследователен. Его Консорциум, действующий на основании британского законодательства, никак, ну просто совершенно никоим образом, не подотчетен советским финансовым органам. И возникает странная ситуация. Ведь ГАБТ не частная лавочка, не товарищество, не акционерное общество какой-нибудь далекой страны. Обычная советская государственная организация, обязанная в своей внешнеэкономической деятельности проверяться Министерством внешних экономических связей. И речь идет не о мелочной опеке, а о контроле за **соблюдением интересов советского участника.** А вот такой контроль отсутствует. Его попросту не предусмотрели. И в этом еще один фокус Соглашения.

В ФЕВРАЛЕ было опубликовано решение КПК, где должную оценку получили некоторые организации, пытавшиеся уйти от контроля государственных органов СССР. Пример с АНТ еще на слуху. И хочется в конце статьи спросить дирекцию ГАБТ СССР: не является ли создание Консорциума такого же рода уклонением от контроля?

Мы не знаем, какой окажется реакция Владимира Михайловича Коконина на нашу статью. Думаем, в его ситуации каяться поздно. Значит, письма, звонки, возмущенная общественность прославленного коллектива... Говорят, что коллективу сейчас срочно обещаются валютные прибавки к суточным и вообще райская жизнь. Ладно. Дирекции театра привычно всеми силами защищать свое имя от любой критики. Правда, главным козырем защиты всегда и служило это великое и авторитетное имя, а мы вроде сами о нем-то и вели речь... но ладно.

МЫ НЕ против любых соглашений как таковых. Наоборот. Считаем, что сегодня грех выступать против развития международного экономического сотрудничества и от всей души хотим верить, что дирекция ГАБТа имела исключительно благородные намерения. Ведь в продуманном сотрудничестве с зарубежными партнерами, быть может, заложен один из реальных рычагов перестройки экономики в целом. Но это в принципе, в идеале. А на деле? На деле нас грабят, норовят последнее отобрать, воспользовавшись некомпетентностью чиновников.

И еще. Пример с Большим (а, по нашим сведениям, нечто подобное г-н Брайтман проделал и с Кировским театром) — это прежде всего урок. Нам напоминание: знать и помнить цену себе. И предостережение тем, кто, забывая о достоинстве, спешит ощутить в руках хруст свободноконвертируемых бумажек.

Не спешите!

Ал. ГРИНЕВИЧ.
(Наш спец. корр.).

НАШ АДРЕС: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73
Телефоны: для справок — 285-78-02, отдел писем — 214-61-22.

Газета выходит по субботам

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.